

Алексей Толстой. На острове Халки

Авт.сб. "Эмигранты". М., "Правда", 1982.
OCR & spellcheck by HarryFan, 2 July 2001

Подполковник Изюмов сидел у окна, посасывая янтарь кальяна, и сквозь засиженные мухами стекла глядел на улицу. Дым вливался в грудь легким дурманом. По доскам стола, в чашке с кофейной гущей ползали мухи. В глубине кофейни, на клеенчатой лавке, похрапывал жирный грек. Улица за пыльным окном была залита полдненным солнцем. На старых плитах мостовой валялись отбросы овощей, рыбы кишки. Спали собаки. На перекрестке, откинувшись к стенке, дремал с разинутым ртом чистильщик сапог у медного ящичка, блестящего нестерпимо. Наискосок, за окном, тоже пыльным и засиженным мухами, чахоточный цирюльник стриг волосы медно-красному толстяку, - и все лицо его, шея, простыня были засыпаны остриженными волосами. Надо было совсем уже сойти с ума от скуки, чтобы в такой зной пойти стричься.

Между деревянными домиками, у каменных глыб развалившейся набережной, стояли лодки, прозрачная вода под ними была как воздух - зеленовато-голубая. На дне ржавели жестянки от консервов, шевелились волокна плесени.

Подполковник Изюмов сидел, не вытирая каплею пота, - они выступили на лбу его, на мясистом носу. А на той стороне пустынной улицы чахоточный цирюльник все стриг, все стриг. Подполковник Изюмов чувствовал, как у него самого под мокрой рубашкой колотятся стриженные волосы.

"Мерзавец, кефалик проклятый, "пачколя", - думал он про цирюльника мутной, тяжелой думой и сосал чубук, - кальян хрипел и булькал. Собака на улице, зевнув, щелкнула муху. В этот час городок на острове будто вымер. - Ох, скука, прости господи... Ударить бы кулаком в чью-нибудь морду, - вдрызг..." В мутной памяти подполковника стали возникать различные морды, которые было бы недурно разбить. Но их было так много, что он только вспотел, затонув в этой неизвестной пучине, - морды, хари, рыла человеческие.

В то же время посредине улицы появился рослый молодой человек в матросской белой рубахе, в штанах клешем, из-под морского белого картуза падали волной, наискосок лба, блестяще-черные волосы. Юношеское бритое лицо его было очень бледно и по-женски красиво, только нос, большой и крепкий, придавал ему мужество и нахальство. Он шел косолапо, засунув руки в карманы черных штанов.

Подполковник Изюмов постучал ногтями в стекло. Юноша остановился, обернулся. Подполковник, прищурясь, собрав веки добрейшими морщинками, показал пальцем на чашку: "Санди, заходи, угощу". Юноша кивнул в сторону моря и скрылся в переулке. На лице подполковника появилось хитрое и недоброе оживление, - он бросил на стол пиастры и, выйдя на улицу, горячую, как печь, пошел следом за Санди, или по эвакуационным спискам, - Александром Казанковым, 26 лет, занятие - литератор, призывался в 1914 году, в 1916-м был контужен, в 1917-м освобожден, в 1918 году проживал в Киеве без определенных занятий, эвакуировался из Одессы пароходом "Кавказ".

Санди вышел на открытый берег, свернул к длинным, на сваях, деревянным мосткам, и у дальнего их края, повисшего над голубой, прозрачной водой, лег животом на горячие доски, раскинул ноги, подпер кулаком щеки и, видимо, приготовился надолго лежать и глядеть на солнечную, сияющую дорогу в лазурной пустыне Мраморного моря.

- Ну и жарища, черт ее побери, - сказал подполковник Изюмов, подходя по мосткам к Санди, сел сбоку него, поджав ноги. - Препаршивая, я вам скажу, здешняя природа. Кричат - юг, юг, а про клопов небось не кричат. Эге! Давеча вытаскиваю платок - в нем клоп. Вытаскиваю портсигар - клоп. На этом острове клопы на вас с потолка кидаются. Византия, будь она проклята, - клопы и жулики. Эхе-хе! А кровушки сколько русской пролито за эту самую Византию. Одним словом, - опять все та же русская глупость. Пришел Олег, прибил щит, - ладно, и успокойся. Нет, без Царьграда жить не можем, - двуглавого орла к себе перетащили. Знаем мы этого орла. Вот он, сукин сын,